

ГИПОТЕЗЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

А.Н. Аюпов

Исследуются проблемы трансформации национальной экономики, основанной на использовании научных достижений, как в сфере теоретического анализа, так и в сфере эмпирических наблюдений и обобщения практического опыта.

Ключевые слова: трансформация; институциональный; либерализация; реформа.

В русле исследования рассматриваемой проблемы имеет смысл акцентировать внимание на понимании процесса трансформации в бывших социалистических странах. Период их развития

после смены общественного строя трактуется как временный переход в рамках так называемой “переходной экономики” к альтернативному общественному строю – капитализму.

В соответствии с такой концепцией, первооснову переходного процесса от социализма к капитализму представляет рыночная либерализация, неразрывно связанная с импортом институтов развитых государств. Действительно, либерализация экономических отношений, основанная на экономических законах таких, как законы стоимости, конкуренции, сравнительного преимущества, спроса и предложения и других, позволила избавиться от хронического дефицита товаров и услуг и неэффективного громоздкого государственного аппарата. В результате проявились основные преимущества рыночной экономики, к которым принято традиционно относить предпринимательскую инициативу, инновационную активность и инвестиционную мобильность. С точки зрения содержания трансформационного процесса в границах экономического поля, становление либеральных рыночных институтов представляет собой средство для утверждения новых механизмов присвоения и распределения.

Как свидетельствуют многочисленные исследования, в рамках всего периода постсоциалистической трансформации, происходящего до настоящего времени, нельзя не выделить первый, нередко называемый переходным, этап, продолжавшийся примерно до середины 1990-х годов. Главная его цель, по крайней мере, первоначально, заключалась в спрессованном во времени переходе к новой системе рыночных институтов.

Чтобы определить, насколько близки к обозначенным рамочным подходам оказались фактические результаты первого этапа системной трансформации, на наш взгляд, следует начать с рассмотрения внутренне-ориентированного подхода трансформации бывших социалистических стран (с учетом сложившихся экономических отношений). В соответствии с исходной эволюционной гипотезой, результаты экономического развития во многом зависят от индикаторов стартового состояния базисных составляющих к началу трансформации социально-экономической системы.

В их качестве прежде всего выступают институциональные характеристики “позднего социализма”. Речь идет об институтах командно-распределительной экономики вкупе с институтами квазирыночной и теневой экономики, институте монополий наряду с зарождающимися институтами конкуренции, институтами, отражающими существующие культурные уклады и традиции определенного национального сообщества.

Также к неотъемлемым исходным параметрам, характеризующим внутренне-ориентированный сценарий постсоциалистического развития, относятся характеристики ресурсного потенциала основных базисных составляющих. Как известно, для всех социалистических стран как систем национальных сообществ было присуще кардинальное отличие структур национальных экономик и социальной сферы в области распределения и потребления, экономического потенциала в области производства и обмена, политического и культурного уровня от стандартов развитых стран, несмотря на их существенное варьирование.

В свою очередь, институциональные изменения наилучшим образом сопряжены с постепенными трансформационными преобразованиями субъектов рыночной экономики. Их адаптация к новым формальным институциональным регламентациям происходит, как свидетельствует обширный исторический опыт, с существенным временным лагом, в первую очередь обусловленным временем принятия и осуществления решений различными экономическими агентами. Значимое влияние непредсказуемых факторов на ресурсный потенциал национальной экономики может выразиться в существенных и резких структурных изменениях. Однако в долгосрочном плане влияние факторов такого рода может быть сведено к минимуму посредством целенаправленного регулирования в рамках трансформируемой социально-экономической системы.

Исходя из сказанного, правомерно сделать заключение об изначальной предопределенности институциональных, ресурсных и поведенческих целевых ориентиров – по сути, желаемых структурообразующих стандартов, которые должны стать доминирующими в результате системной трансформации по внутреннеориентированному подходу.

Перейдем теперь к рассмотрению альтернативного, внешнеориентированного (ориентированного на развитые государства) подхода.

Ожидаемые траектории трансформации предопределены заранее заданными целевыми ориентирами движения к состоянию “открытой” экономики и в целом открытого общества в его традиционном понимании. И хотя все эти целевые ориентиры должны быть специфицированы применительно к конкретным условиям развития определенной страны, их основные качественные характеристики по существу идентичны.

Так, в первую очередь в качестве доминирующих институциональных образцов постсоциа-

листического национального государства выступают институциональные порядки, присущие зрелой либерализованной экономике.

Принципиально важно и то, что в первоначальном виде неолиберальная стратегия перехода к капитализму, в первую очередь реализуемая МВФ, фактически исходила из определяющей зависимости всех направлений общественных перемен от экономических факторов, притом главным образом финансовых. Иными словами, решающим условием желаемых изменений в структуре национальной экономики является успешное становление рыночных, особенно финансовых, институтов, присущих современной рыночной экономике.

Указанным доминирующим институциональным образцам соответствует максимально динамичная структура ресурсного потенциала развивающегося государства. Фактически движение основных видов ресурсов в решающей мере предопределено их внешними потоками на входе и выходе социально-экономической системы трансформируемой национальной экономики.

По настоящему новые субъекты рыночных отношений, по крайней мере, в лице трех их общественных групп с присущими им стратегиями поведения, призваны доминировать и во всех сферах национальной экономики. Это крупные бизнесмены, владеющие решающей частью капитала национального происхождения и использующие его для воспроизводства своего общественного положения; независимые предприниматели и, наконец, разнообразные иностранные инвесторы. Духовные ценности и стандарты развитых государств, в соответствии с первоначальной неолиберальной стратегией, должны были быть непосредственными атрибутами поведения главных субъектов в новой общественной среде. По очевидной причине ключевая роль в такой трансформации организационно-координирующей структуры бывшего социалистического общества отводилась наднациональным организациям: МВФ, Всемирному Банку, организациям, осуществляющим целенаправленную поддержку политических и экономических реформ в развивающихся странах.

При всем многообразии позиций, касающихся отдельных сторон ориентированного на рыночную экономику пути развития бывших социалистических стран, все они сходятся в одном: его целевые ориентиры достижимы исключительно путем имплантации исходных институциональных структур. По сути, в ходе трансформации сформировавшейся системы должно

было произойти саморазвитие импортированных механизмов рыночных взаимодействий и их превращение в зрелые механизмы, соответствующие стандартам развитого государства.

Как показала практика, зачастую фактические институциональные изменения в ходе осуществления реформ имели явно скачкообразный характер. Резкие формальные инструментальные сдвиги вместе с сопутствующими ресурсными переменами вызывают столь же кардинальные изменения неформальных институтов и их ресурсного обеспечения.

Убедительным примером является проведенная в начале рыночной реформы, в 1992 г., “шоковая” либерализация денежного рынка и импорт развитых по западным меркам финансовых институтов, призванных по первоначальному замыслу, стать проводниками институциональных преобразований обычных товарных рынков. В качестве ответной реакции это вызвало усиление взаимного нелегального кредитования в промышленных отраслях и резкое увеличение нелегального денежного оборота (“черного нала”).

С учетом приведенной аргументации, попробуем ответить на наиболее интересующий нас вопрос: что представляет собой фактический путь во времени и пространстве между исходным состоянием системы национальной экономики в момент смены общественного строя и ее желаемым состоянием, соответствующим описанным институциональным характеристикам?

Начальный этап трансформации, ориентированный на рыночную экономику, очень удачно охарактеризованный Д. Нортом как трансформация по типу “большого удара”¹, не мог не носить скачкообразного характера. Таково неизбежное следствие имплантации элементов нового общественного уклада, связанного с безвозвратной заменой элементов социалистической системы в виде формальных институтов и их ресурсного обеспечения. В свою очередь, для самих субъектов во всех сферах их деятельности главной проблемой становится адаптация к новым условиям функционирования институтов и движения ресурсов. Тем самым кардинальная перемена институциональных, ресурсных и поведенческих характеристик социально-экономической системы государства неизбежно связана с огромными трансформационными издержками в ходе преоб-

¹ D. North. Big-bang transformation of economic systems // Journal of institutional and theoretical economics. – 2000. – V. 156. – №1.

разований структуры национальной экономики и очень большими транзакционными издержками в ходе замены прежних институтов на новые, связанные с глубокими дестабилизационными процессами. Вполне понятно, что МВФ как главный идеологический центр осуществления рыночных и других реформ в странах с переходной экономикой, основным, если не единственным, приоритетом начального этапа трансформации объявил демократизацию и стабилизацию общества, в первую очередь в экономической и политической области.

Из сопоставления результатов первого этапа трансформации с целевыми ориентирами обоих рассмотренных альтернативных подходов развития можно сделать следующий вывод. Фактически был реализован “смешанный” подход трансформации постсоциалистических государств, сочетающих в себе имманентные черты и эволюционной, и ориентированной на Запад модели развития.

На фоне таких реалий вполне объяснимо, что преобладающие среди исследователей оценки результатов первоначального этапа системной постсоциалистической трансформации отличаются явной неоднозначностью. С одной стороны, признается необратимость коренных экономических и политических перемен и невозможность возврата к социалистическому прошлому, во всяком случае, в его прежнем виде. С другой стороны, констатируются произошедшие глубокий экономический спад и регресс в социальном и культурном развитии большинства стран, переживших системные реформы.

Одной из отличительных особенностей рассматриваемого этапа постсоциалистической трансформации является феномен деформаций распределения (аллокации) ресурсов, проявляющийся в долговременном заведомом отставании эффективности их использования от потенциально достижимого уровня.

Вполне объяснимо то, что стабилизация именно в сфере распределения оказалась достигнута наиболее быстро в соответствии с интересами значительной части прежней номенклатуры, сохранившей и приумножившей свое богатство в ходе ускоренной приватизации. Тем самым в полной мере стал соблюдаться основной признак социального равновесия, по В. Парето¹, заключающийся в соответствии с кривой рас-

пределения по накопленному богатству, с одной стороны, и кривой распределения по политическому и социальному влиянию – с другой.

По общепризнанному мнению, второй этап системной трансформации, протекающий в постсоциалистических странах с середины периода 1990–2000 гг. (в некоторых странах, в том числе и в Кыргызстане, с определенным временным запаздыванием), принципиально отличается от предшествующего этапа. По нашему представлению, эта перемена главным образом объясняется двумя причинами фундаментального характера.

Первая из них обусловлена существенным отклонением итогов первого этапа трансформации от ожидаемых, по крайней мере, инициаторами реформ в бывших социалистических странах. С целью компенсации произошедших потерь внутреннего ресурсного потенциала по завершении радикальных первоначальных институциональных реформ объективно возникла необходимость в изменении самой траектории системной трансформации. Иначе говоря, если воспользоваться выводами развиваемой институциональной теории, дальнейшее поступательное развитие социально-экономической системы становится возможным при условии восстановления своего ресурсного потенциала, в том числе потребного для создания новых транзакционных механизмов в ходе институциональных реформ.

Не менее весомая причина сдвига траектории системной трансформации постсоциалистических стран связана с изменениями внешних экстремальных условий. При этом следует иметь в виду, что они по-разному отразились на ходе продолжающейся трансформации в постсоциалистическом мире. Если происходящий процесс радикальных технологических изменений серьезно не сказался на институциональных переменах в постсоциалистических странах в силу серьезного отставания их научно-технического потенциала от развитых стран, то общемировые тенденции глобализации в экономической и других сферах деятельности в полной мере оказали влияние на ход второго этапа трансформации в этих странах. Хотя, бесспорно, вплоть до настоящего момента глобализация как особый инструментальный фактор по-разному влияет на развитие различных постсоциалистических стран. Достаточно сопоставить страны Центральной и Восточной Европы (Чехию, Венгрию, Польшу, Румынию), глубоко в экономическом и политическом плане интегрировавшихся в ЕС, и

¹ Парето В. Социалистические системы // Теоретическая социология: В 2-х т. – М: Книжный дом “Университет”, 2002.

страны СНГ, до сих пор представляющие собой в значительной степени обособленные социальные системы.

Тем не менее, в целом процессы экономической и политической интеграции стали определенно знаковыми чертами нынешнего продолжающегося этапа постсоциалистической трансформации.

В соответствии с замыслами стратегов, трансформация постсоциалистических стран по западному образцу, ухудшение состояния их социальных систем в период стабилизации должны быть компенсированы в последующий период ускоренным экономическим и социальным развитием. Предполагалось, что достигнутая в итоге стабилизационного этапа институциональная перестройка и связанные с ней преобразования в национальной экономике позволят максимально использовать преимущества международной интеграции. Как показывает исторический опыт, такой результат реально достижим в случае формирования конкурентоспособных национальных рынков, а также социальных и политических прогрессивных сдвигов на пути становления зрелого гражданского общества. Тем самым ориентированная на интеграцию с развитыми государствами трансформация постсоциалистических стран на ее втором этапе фактически призвана представлять собой важнейшую составную часть процесса мировой глобализации.

Доминирующее воздействие факторов развития мировой экономики и всего мирового сообщества на дальнейшее развитие постсоциалистических государств будет связано с “вымыванием” многих составляющих ресурсного потенциала и институциональных матриц, что, естественно, выразится в резких перерывах постепенности хода многообразных трансформационных процессов в этих социальных системах. Так, например, знаковые колебания ценовой конъюнктуры на мировых нефтяном и других сырьевых рынках крайне весомо влияют на состояние “открытых” постсоциалистических экономик, вызывая резкие сдвиги в ресурсной базе, да и в институциональной структуре.

Впрочем, огромный риск катаклизмов, при этом планетарного масштаба (мировой финансовый кризис), в условиях ориентированной на глобализацию трансформации бывших социалистических стран также требует применения механизмов для его нейтрализации. Логично предположить, что это в основном будет осуществляться в рамках процесса национальной регуляции.

Определенно преждевременно делать окончательные выводы касательно результатов второго этапа постсоциалистической трансформации, тем более с точки зрения их сопоставления с предполагаемыми результатами осуществления альтернативных “рамочных” подходов. Поэтому ограничимся только констатацией наиболее значимых, по-нашему представлению, трансформационных изменений, затрагивающих основные сферы развития национальной экономики, которые могут быть интегрированы в пользу одного или другого “рамочного” подхода.

Первое. Трансферты постиндустриальных и организационных технологий, а также прямые иностранные инвестиции значительно способствовали повышению конкурентоспособности их национальных рынков и повышению квалификации наемных работников; повысилась действенность реформ, направленных на дерегулирование отдельных сегментов национальной экономики и совершенствование действующих либерализационных механизмов. Вместе с тем позиции отдельных бизнес-сообществ, сформировавшихся из представителей прежней номенклатуры, на многих национальных рынках не только существенно не ослабли, но и окрепли. Также во многих постсоциалистических странах наблюдается тенденция к восстановлению механизмов государственного регулирования отдельных субъектов рынков, отличающихся недостаточной конкуренцией, и так называемого дозированного протекционизма.

Второе. Произошедшие за рассматриваемый период институциональные сдвиги ознаменовали собой значительное приближение многих атрибутов реформируемых политических систем, в частности на уровне местного самоуправления, к либерально-демократическим стандартам. Но наряду с этим в качестве трансформационных изменений, соответствующих эволюционной парадигме развития, следует выделить сохранение, а в ряде стран – усиление позиций социал-демократической ориентации, выступающих фактическими преемниками реформистского коммунистического движения в период распада мировой социалистической системы.

Третье. Продолжают усиливаться позиции крупного бизнеса и в целом предпринимательского класса. В пользу сказанного можно привести множество свидетельств: наверное, наиболее красноречивое из них – грандиозное распространение рынков недвижимости, главным образом ориентированных на интересы этих групп. В то же время статусное положение многих предста-

вителей социальных групп – в первую очередь номенклатуры и крупного теневого бизнеса, занимавших лидирующее положение в стратификационной системе в период “позднего” социализма и в ходе первого этапа системной трансформации, продолжает оставаться высоким.

Четвертое. Произошло кардинальное приближение действующих юридических норм, особенно в области хозяйственного и гражданского права, к их признанным западным образцам; в некоторых странах юридические стандарты, принятые на международном уровне, стали элементами национальных законодательств. Одновременно тенденции в эволюции ряда типов правовых регламентаций, возникших в недрах социализма, определенно нашли продолжение; так, в значительной степени трудовое законодательство, уголовное и административное право

сохраняют в себе явные черты социалистического наследия.

Пятое. Грандиозное распространение интернета, спутникового телевидения и других средств глобальной коммуникации крайне способствовало позитивному восприятию среди широких слоев постсоциалистического общества преимуществ рыночной экономики.

Одновременное присутствие внутренних эволюционных и внешнеориентированных признаков трансформационных перемен в постсоциалистических странах, бесспорно, свидетельствует о продолжении “смешанного” подхода в их развитии. По крайней мере, в ближайшем будущем преобладающая траектория постсоциалистических систем явно не представляется однонаправленной: ни в сторону полной интеграции в глобальный капитализм ни, тем более, наоборот.

УДК 338(575.2)(04)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Р.А. Бейбутова

Анализируются актуальные проблемы международной торгово-экономической конкуренции, развертывающейся как в глобальном, так и региональном, национальном масштабах.

Ключевые слова: торгово-экономическая конкуренция; конкурентоспособность; региональное соперничество; межгосударственные конфликты.

Сегодня Кыргызстан, являясь членом многих международных политических, экономических, культурных организаций, разворачивает свою деятельность в окружении многоликого мирового сообщества с разнородными силами и тенденциями. Важно определить и просчитать, в какой степени вхождение Кыргызстана в состав различных региональных организаций согласуется с национальными интересами страны. Серьезного внимания в настоящее время требует обсуждение внешней стороны, международного аспекта, позволяющего увидеть деятельность Кыргызстана через призму глобализации.

За годы независимости Кыргызстан стал членом многих международных организаций. Принесло ли это нашей стране какие-либо ощутимые плоды? Например, российские “Вести

ру” в 2008 г. сообщали, что Всемирный банк составил рейтинг развития национальных экономик по объему валового внутреннего продукта за 2006 г. В списке 183 государств мира Кыргызстан занимает 143-е место. Среди стран СНГ республика с объемом ВВП в 2,7 млрд долларов США оказалась на последнем месте. Разумеется, вполне понятно и объяснимо членство Кыргызстана как суверенного государства в составе ООН или как бывшей союзной республики СССР – в составе СНГ. Однако многие считают, что членство Кыргызстана в ВТО можно считать весьма символичным. Эксперты Центра экономических стратегий при правительстве КР отмечали, что, казалось бы, благоприятные условия вывода собственной продукции на рынки стран-членов ВТО для Кыргызстана оказываются не